

Князь Цзинь! Рука Наньгун Юйляна дрогнула, и он поспешно убрал картину, не успев завязать ее, как князь Цзинь уже вошел в комнату. Он торопливо положил свиток обратно.

— Приветствую князя, — почтительно поклонился Наньгун Юйлян.

Цинь Юй посмотрел на него, затем на стоящий рядом сосуд с картинами, слегка нахмурившись:

— Что ты здесь делаешь?

— Просто прогуливался и случайно зашел в кабинет князя. Прошу прощения, — низко опустив голову, Наньгун Юйлян украдкой бросил взгляд на ту самую картину.

Цинь Юй не произнес ни слова, подошел к сосуду с картинами и провел рукой по тем, на которые тот взглянул, тихо произнеся:

— Забыл, что у тебя есть привычка бродить и смотреть, где не следует. Похоже, придется найти кого-то, чтобы следил за тобой.

— Это была непреднамеренная ошибка, прошу князя проявить великодушие, — лицо Наньгун Юйляна побледнело.

— Хе-хе... — князь Цзинь рассмеялся, и Наньгун Юйлян не смог понять смысл этого смеха. Через мгновение князь произнес:

— Твои покои уже готовы. Пусть Ли Хань проводит тебя туда.

— Слушаюсь, — Наньгун Юйлян покинул комнату, следуя за Ли Ханем.

Цинь Юй вытащил открытый свиток, развернул его до половины и, увидев улыбающееся лицо на картине, тоже мягко улыбнулся.

— Позовите кое-кого, — вернув свиток на место, Цинь Юй снова стал бесстрастным. — Отнесите это в печь и сожгите.

Пламя в печи стало ярче, и Цинь Юй спокойно наблюдал за ним, не испытывая особых эмоций. Слишком много картин было нарисовано, он и забыл, что в Цзичэне еще остались, и вот маленький жрец их увидел.

Во дворце.

— Я откланиваюсь, — Ли Хань поклонился. — Князь сказал, что жрец может приказывать дворцовым слугам, если что-то понадобится.

— Благодарю, стражник Ли.

Наньгун Юйлян проводил Ли Ханя, затем вернулся и сел в кресло. Его сердце бешено колотилось, и, разжав ладонь, он понял, что она вся в поту.

Человек на картине был еще юным, черты лица нежными, и князь Цзинь изобразил его с удивительной тщательностью. Даже сквозь чернила можно было почувствовать мягкость взгляда изображенного, что говорило о том, сколько души вложил художник в эту работу.

Наньгун Юйлян почти мгновенно понял, кто это был, и именно поэтому он так запаниковал и

нервничал.

Сколько тайн скрывает князь Цзинь? Такие вещи другие стараются избегать, а он сам наткнулся на них. Наньгун Юйлян даже подумал, что если князь заподозрит его, то это будет вполне справедливо.

Неужели князь заметил? Наньгун Юйлян вспомнил выражение лица князя и понял, что тот, вероятно, все понял. Что теперь будет? Убьет ли он его, чтобы замять дело?

Снег шел всю ночь, и Цинь Юй, укутанный в толстый плащ, оставлял следы на снегу. Рядом с ним не было никого, он не взял никого с собой, так как хотел навестить свою мать в одиночестве.

Снег хрустел под его сапогами, и, наконец, он пересек широкую площадь и остановился у подножия императорской лестницы.

Слегка выдохнув, он затуманил взгляд. Отсюда виднелся шестиугольный павильон на вершине лестницы, с высоко поднятыми карнизами, не похожий на северные дворцы. Это было строение, возведенное Цинь Юем в стиле южных земель.

На самом деле его мать уже была похоронена в императорской усыпальнице вместе с покойным императором. В Цзичэне же находилась лишь ее поминальная табличка.

Но сын не мог вернуться в столицу, чтобы почтить ее память, и вынужден был делать это здесь. Какое же это непочтение!

Подняв полы халата, он поднялся по ступеням, глядя на распахнутые двери, и ему показалось, что он видит золотые цветы на халате своей матери.

Внутри зала горели ряды вечных огней, и табличка вдовствующей супруги Юэ, окруженная ими, казалась особенно одинокой. Цинь Юй неподвижно стоял, глядя на маленькую табличку, и, наконец, с грохотом упал на колени.

— Мать... — он коснулся лбом земли, но так и не смог произнести ни слова из того, что хотел сказать.

Мать, в прошлом году я не пришел, потому что в царстве Цзинь было неспокойно. Теперь новая политика в Цзинь утвердилась, и скоро наше царство станет самым могущественным среди всех уделов.

Мать, ты знаешь, что твой сын стал самым влиятельным князем в мире? Поэтому император хочет меня уничтожить, а третий брат постоянно посылает ко мне убийц. Я не только непочтителен, но и неверен!

Мать, лекарство по-прежнему такое горькое, но больше нет никого, кто бы дал мне твой сахар с цветами османтуса.

Цинь Юй стоял на коленях на холодной земле, думая о том, что хотел сказать, вспоминая прошлое и множество других вещей. Вдруг ему не захотелось вставать, он хотел просто продолжать стоять на коленях...

Прошло много времени, и холод наконец проник в его тело. Цинь Юй медленно поднялся с земли.

Мать, я уйду. Неверный и непочтительный, но я все же должен жить. Ты сама так говорила мне.

Снаружи по-прежнему было невероятно холодно, и с неба начал падать снег. Цинь Юй поднял взгляд, и все вокруг было белым.

Он прошел через дворцовые стены и продолжал идти в одиночестве. Бывшие покои его матери были убраны дворцовыми слугами с большим усердием, и ничто не было забыто. Цинь Юй смотрел на черные плиты пола, касаясь холодного стола, и чувствовал, как холод проникает все глубже.

На самом деле здесь не было воспоминаний о нем и его матери. С тех пор как он прибыл в Янь, в Цзичэн, он погрузился в водоворот мести и никогда не думал, что мать уйдет так быстро.

Больше всего воспоминаний о матери у него осталось в императорском дворце в столице, под деревом османтуса в ее саду.

В детстве он мог прятаться там, когда не хотел пить лекарство, или когда натворил что-то, или когда его наказывал учитель.

В те годы он думал, что хрупкое тело матери может защитить его от всего, и потому продолжал шалить, пока не совершил самый большой промах в своей жизни. Но теперь он больше не мог прятаться за спиной матери.

Теперь князь Цинь больше не нуждается в том, чтобы прятаться. Там, куда указывает его меч, другие прячутся от него.

Мать, я наконец могу защитить себя и получить многое, но ничто не сравнится с тем спокойствием, которое я чувствовал под твоим деревом османтуса. Каждую ночь во сне я вижу множество лиц, и не знаю, что они кричат мне.

— Здесь слишком холодно, — и слишком грустно!

Цинь Юй вздохнул и ушел, опасаясь, что, оставаясь дольше, он погрузится в печаль.

Покинув это место, он брел без цели. На краю снежного поля одиноко возвышалась башня. Цинь Юй поднял взгляд и вдруг вспомнил свой первый Новый год здесь.

Башня была высокой, и, поднявшись наверх, он уже вспотел. Он хотел взглянуть на пейзажи Цзичэна, но увидел того, кто здесь быть не должен.

Жрец Наньгун, ты действительно любишь бродить где попало!

Жрец стоял у окна, созерцая Цзичэн у своих ног. Черный плащ Цинь Юя был накинут на него, и ветер приподнимал его, позволяя разглядеть фиолетовую ткань внутри.

Щеки Наньгун Юйяна снова покраснели от холода, и Цинь Юй, глядя на это, невольно улыбнулся. Он тихо удалился, не потревожив жреца.

Красавец, стоящий в одиночестве, — это словно картина. Лучше не разрушать этот момент. К тому же я не хочу делиться этим видом с кем-либо еще.

Цзичэн отдыхал три дня, после чего князь Цинь отправился в Юйян, а затем вдоль северной границы на восток. Поскольку он никуда не торопился, то ехал медленно и неспешно.

Повозка все так же покачивалась, и Цинь Юй, читая казенные бумаги, начал дремать, когда за дверью раздался голос Ли Ханя.

— Князь, письмо из Лянъаня.

Чжипин? Цинь Юй поднял взгляд на дверь. Чжао Чжипин, с тех пор как прибыл в Гуаньчжун, еще не писал ему. Это было впервые.

— Передайте сюда, — он сразу же взбодрился.

Чжао Чжипин писал, что аристократические семьи Гуаньчжуна оказались более строптивыми, чем ожидалось. Новая политика Цзинь напугала их, но с Наньгун Сюнем это не было слишком сложно, хотя и требовало времени.

— А это что? — Цинь Юй положил письмо Чжао Чжипина и увидел еще одно, без подписи.

— Это письмо от главы дворца Наньгун для жреца.

Семейное письмо... Цинь Юй уже хотел отправить его Наньгун Юйляну, но, немного подумав, приказал позвать жреца.

— Приветствую князя, — Наньгун Юйлян поклонился у двери повозки.

— Юйлян, заходи, поговорим.

Наньгун Юйлян вошел внутрь, где князь Цзинь сидел, улыбаясь, и протянул ему письмо:

— Это письмо от главы дворца Наньгун, которое он просил передать тебе.

Наньгун Юйлян обрадовался, но, взяв письмо, на мгновение замешкался:

— Князь, почему письмо моего отца у вас?

— Господин Чжао тоже написал мне, так что письма пришли вместе, — Цинь Юй понял его мысли и прямо сказал:

— Не волнуйся, я не читал его.

Мысли были разгаданы, и Наньгун Юйлян поспешно отвел взгляд от князя, сосредоточившись на письме.

Цинь Юй, держа чашку чая, незаметно наблюдал за ним. На лице жреца была радость, хотя он старался скрыть ее, но князь все заметил.

— Благодарю князя, — поднял голову Наньгун Юйлян.

— Не за что. Что пишет глава дворца? — Цинь Юй спросил без церемоний, ведь он вызвал жреца именно для того, чтобы разузнать новости. Наньгун Сюнь все же не внушал полного доверия.

— Это письмо от Сян и моего брата, — нахмурился Наньгун Юйлян, чувствуя недовольство, но все же объяснил:

— Не от отца.

Так это от возлюбленной, вот почему он так обрадовался!

[Авторские примечания, комментарии или благодарности отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16170/1451045>